

Анархисты и «леваки»: почувствуйте разницу!

Лора Акай

Оглавление

Анархисты и «леваки» — разница есть!	4
Долой капитализм и наёмный труд!	6
Государственный капитализм	7
Займём чёткую позицию!	8

Скорость забывания в нынешнем анархическом сообществе бывшего СССР столь велика, что о журнале, выходящем два года назад, никто не помнит; журнал, выходящий четыре года назад — ненаучная фантастика для восприятия свежего поколения анархистов; а статья, опубликованная в каком-то журнале пять лет назад, тем более, в журнале, у которого никогда не было своего сайта — вообще практически не существует. Именно поэтому нам пришлось в голову заново опубликовать великолепный анализ Лоры Акай, впервые напечатанный в восьмом номере «Наперекора» летом 1998 года. То, о чём писала Лора А. пять лет назад, по-прежнему актуально для постсоветских условий, ибо, по большому счёту, тенденции в «общелевом» и анархическом движении остались прежними, а дискуссия, к которой призывала Лора, так и не была начата.

Данная критика важна в свете нынешнего положения в левом движении в России и заслуживает подробной политической дискуссии. Левые столкнулись с определённой общественной ситуацией в России. Она характеризуется социальной нестабильностью, рыночными реформами и атомизацией общества со всеми её последствиями. В этой ситуации сложилось левое движение, которое, во-первых, является авторитарным, во-вторых, выступает за командную экономику или государственный капитализм и, наконец, является националистическим и ксенофобским. Вот почему необходимо определить отношение анархистов к сложившемуся положению и показать, чем анархисты отличаются от этих авторитарных левых.

Определённые тенденции в русском левом и анархическом движении делают такую критику ещё более настоятельной и необходимой. Во-первых, в сложившейся общественной ситуации мы могли видеть, что «левые» и «оппозиция» действуют как правые, идя к авторитаризму, заимствуя консервативные, тоталитарные, корпоративные, национал-социалистические идеи и образы. Мы видим также, что правые спёрли левую символику и некоторые (удобные им) левые идеи. Различные люди и группировки стараются синтезировать левые и правые взгляды. Из этого симбиоза в последние пять лет развилось сильное новое течение, которое старается выдать себя за левое, по крайней мере, чтобы привлечь тех, кто симпатизирует левым. Одновременно, чтобы привлечь противоположную публику, оно изображает себя правым. Во-вторых, выросло количество людей, считающих себя анархистами, но одновременно — и частью более широкого «общелевого» движения. Они говорят на языке символов и отвергают интеллектуализм, поэтому не разбираются в тонкостях политики. Это аморфный, псевдо-«автономный» слой часто образует противоречивую массу, постоянно пытаясь создать свой собственный синтез из разнородных анархических, леворадикальных и псевдо-леворадикальных идей. В таком синтезе анархизм представляется и переделывается в искажённой форме; резкие различия между анархизмом (либертарным коммунизмом), с одной стороны, и левачеством и авторитаризмом, с другой, размываются до такой степени, что основные понятия анархизма теряются в гуще образов и символики «анти-попа» (контркультурщины) и крутизма. В-третьих новые правые постоянно используют анархические и либертарные тексты, язык и символику, целенаправленно пытаясь укрепиться за наш счёт. Доходит до того, что редактор чисто фашистского журнала «Элементы» А. Дугин делает доклады об анархизме, «а синтезированные» пропагандисты вроде А. Тарасова называют таких подлецов, как А. Цветков, бывшего редактора нацистской

«Лимонки», и Д. Костенко, националиста и сторонника партийности, анархистами, но и людьми, более анархичными, чем те, которые не хотят сотрудничать с нацистами и тоталитаристами.

В такой ситуации сама концепция анархизма превращается его врагами, которые выступают в роли троянского коня, в нечто совершенно туманное. Наконец, из-за малочисленности настоящих анархистов и чистых (неленинских) марксистов, сторонников рабочих советов или даже нормальных левых, многие потенциальные активисты вынуждены обращаться к более крупным (по левым меркам) организациям или их членам за информацией или за сотрудничеством, привлекая их к участию в своих акциях. Речь идёт даже не об их стремлении достичь «критической массы» — они жаждут прилива «свежей крови», прихода новых людей, с которыми они могли бы создать фундамент для новой альтернативной сцены. В итоге возникает своего рода сотрудничество между людьми с различными политическими взглядами (или иногда без чётких политических взглядов), которые объединены в основном просто отрицанием рынка и буржуазной культуры. Во почему контркультурная среда пока не стала очагом либертарного и анархического действия; она легче порождает фашистов, что сейчас и происходит. поскольку многие из наших товарищей хотят создать анархическую контркультуру как деклассированную форму элитаризма, и стараться избавиться от таких элементов. Если они этого не сделают, она превратится в рассадник нового правого «синтезированного» радикализма, а не в зародыш элитарного радикализма, как им бы хотелось.

Анархисты и «леваки» — разница есть!

Понятно, что нужно объяснить разницу между анархистами и РНЕ. Разница вполне очевидна. Баркашовцы — «цивилы», и потому их стиль не может ввести в заблуждение. Труднее для многих ощутить разницу между анархизмом и другими левыми и понять, почему нельзя их поддерживать или вступать с ними в блок. Почему Че Гевара заслуживает посмертной пули в затылок, а не поповского символического идолопоклонства? Почему, когда мы думаем о Северной Корее, мы вспоминаем не о последнем оплоте против рынка, а о железном кулаке и железных решётках? Почему мы всё-таки критически относимся к сапатистам, чеченскому государству и Афганскому национальному конгрессу, ко всем левым антиимпериалистическим, но национал-государственным движениям? Почему мы сами хотели бы дать Троцкому ледорубом? Почему мы подтираем свои задницы «Бумбарашем» и хотим послать лимонку «Лимонке»? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны посмотреть, что они предлагают, и увидеть, как их стратегия уничтожает всё то, что мы хотели бы построить.

Прежде всего, анархия означает прямое участие, прямое принятие решений. Мы не хотим никакого государства, никаких начальников, никакого революционного комитета над нами. Мы хотим, чтобы люди сами справлялись со своими аспектами социальной жизни. Люди могут делать это сами, в маленьких группах или одни, в общинах или коллективах. Чтобы осуществить эту свободу, надо верить, что человек, освободившийся от привычек, насаждаемых системой, действительно может

управлять сам собой. (На самом деле мы и сейчас всё делаем, но при посредничестве экспертов, которые наняты эксплуататорами, но эксплуатируются системой. При анархии эксперты сами свободно будут делиться своими знаниями вместо того, чтобы продавать их по наилучшей цене). Поэтому очевидно, что мы не можем поддерживать политические силы, которые хотели бы заменить нынешнюю систему своей собственной властью.

Понятно, что нельзя поддерживать КПРФ, но в отношении других коммунистических течений многие почему-то считают иначе. Некоторые полагают, что у нас с ними общая задача — ликвидация капитализма. Сторонники «общей задачи» (разрушения, а не строительства нового) забывают спросить: чего же хотят «коммунисты»? Чем они хотят заменить существующую систему? Некоторые полагают, что об этом можно будет подумать потом, а пока «всё идёт по плану». В прошлом многие так думали, и эта ошибка стоила им жизни.

На самом деле подавляющее большинство левых, псевдоловых/новых правых группировок в России не обсуждают такие «мелкие» вопросы, как принципы организации общества. Они только запутали бы людей; многие не присоединились бы к ним или сразу бы сбежали подальше. Всё это очень плохо, потому что вожди наверняка знают, чего они сами хотят, и при случае предложат свои варианты. Масса бунтарей, оставшись без программы или плана действий, попросту последует за ними, даже если прежде она испытывала сомнения. Когда эти группировки ведут речь о благосостоянии людей, всё это дешёвый популизм. Таким был и язык Ленина, Гитлера, Перона, Лукашенко, язык сотен «отцов народов» в истории, которые сумели сыграть в популизм, бунтарство и революцию. Они катились на волне Отказа, пока сами не пришли к власти. А тогда они избавлялись от оппозиции, в том числе и от той, которая решала «общую задачу» с ними. Какое коварство!

Необходимо видеть, как политические активисты относятся к народу. Элитаризм — это то, что ведёт к фашизму; революционный авангард может превратиться в тоталитарных диктаторов. Элитарист полагает, что общество состоит из кучи дебилов, которые сами не в состоянии управлять собой. Когда он хочет изобразить из себя гуманиста, он утверждает, что люди сами не желают возлагать на себя такое бремя. Возможно, сейчас это так, но это временное состояние, следствие того, что сама система лишает людей возможности управлять собой и люди к этому не привыкли. В человеческой природе это отнюдь не заложено.

Анархисты стремятся изменить это положение, хотят воодушевить людей, чтобы они смогли вернуть себе контроль над собственной жизнью. Государственники и «вожди» сами хотят управлять всем и всеми, им наплевать, участвуют в этом люди или нет. На самом деле, они скорее всего вообще не хотят, чтобы люди участвовали в решении судеб общества, они боятся участия «низов».

В тик называемом «левым» движении в России можно встретить таких элитаристов, часто скрывающихся под маской популизма. Бывают и подсознательные элитаристы. Обычно это «рядовые» революционеры, которые сегодня не имеют чёткой позиции по этому вопросу или даже вроде бы против элитаристов, но в решающий момент станут на их сторону. Таких людей много в контркультуре, поскольку она служит очагом скрытого, подсознательного элитаризма. Общая нить, которая пронизывает её, — это ненависть к существующей культуре, потребительской, развлекательной

или бытовой. Я могу понять эту ненависть. Но элитарист направляет её и на обыкновенных людей, то есть на «массы», воспринимая себя в качестве противостоящего им «авангарда».

Недавно мы могли наблюдать это на примере группы так называемых радикальных художников в Москве, тусующихся вокруг журнала «Радек». Они создали «контрольную комиссию», претендующую на то, чтобы определить политику государства. Они и мысли не допускают, что люди могут сами управлять своей жизнью. Они воспринимают себя в качестве экспертов и законодателей (что, при учёте их полной неграмотности в экономике, вообще смехотворно!). Высокомерие этих лиц очевидно. В разгар забастовки шахтёров, игнорируя все проблемы российского общества, они не смогли придумать ничего лучшего, кроме как требовать ЛИЧНО СЕБЕ зарплаты в 1200 долларов в месяц, легализации наркотиков и безвизовых поездок. (В принципе, я не имею ничего против этих требований, но не думаю, что наркотики должны иметь приоритет в тот момент, когда миллионам рабочих не на что есть. К тому же, потребление тяжёлых наркотиков — результат общества отчуждения. Не лучше ли было бы сделать жизнь прекрасным карнавалом, в котором участвуют все, вместо того, чтобы обрекать себя на саморазрушение и материализм?).

У нас есть общее с теми, кто выступает за широкое участие масс в общественной жизни, например, со сторонниками рабочих Советов. Но у нас мало общего с «революционным авангардом» и вообще нет ничего общего с политическими партиями.

Мы отличаемся от «леваков» по многим важным пунктам. Ещё один из них — это интернационализм. Мы критически относимся к национально-освободительным движениям и иллюзиям политики антиимпериализма. Многие «леваки» описывают Россию как колонию иностранного капитала, практически утверждая, что достаточно выгнать иностранцев, чтобы решить все проблемы. Сразу приходит в голову реклама Брынцалова, который призывает покупать только русские лекарства, чтобы «деньги остались в России», точнее, чтобы он мог купить себе больше золотых ручек, а его жена — больше кожаных трусов. А мы вообще против любой эксплуатации. Если бы Россия не была включена в мировую экономику, всё равно эксплуатация сохранилась бы (факт, что при «Советской» власти доля рабочих в валовом национальном продукте составляла даже при учёте «общественных фондов» 20%, а в США — 60%). Эта антиимпериалистическая риторика скорее напоминает «советскую» ксенофобскую пропаганду. Анархисты, в отличие от этого, выступают за сотрудничество людей, независимо от места рождения или жительства.

Долой капитализм и наёмный труд!

Начнём с оговорки: различные анархисты придерживаются разных представлений о том, как может выглядеть экономика и материальная жизнь анархического общества. Но, в основном, все согласны, что средства производства не должны контролироваться корпорациями, и что все должны иметь равные возможности управлять своими собственными делами. Так что говоря об отличиях взглядов анархистов и «коммунистов», я излагаю позицию большинства анархистов.

Государственный капитализм

Многие из так называемых «коммунистов» выступают фактически за ту или иную форму государственного капитализма. При этой модели прибавочная стоимость присваивается государством, а рабочие производят её посредством рабского труда. Определяя курс экономической жизни, государство стремится получить как можно больше прибавочной стоимости, невзирая на такие вредные последствия для общества и всей планеты, как урбанизация, истощение ресурсов и т.д.

Что происходит в действительности при централизованном планировании экономики? Во-первых, возникает слой бюрократов, которые, занимаясь распределением материальных благ, могут обеспечивать выделение денег в собственных интересах и привилегии для самих себя. (Нынешний кризис в российской экономике возник частично благодаря тому, что правящие круги привыкли распределять блага по собственному произволу, безо всякой отчётности.) Во-вторых, развивается командная экономика, не всегда удовлетворяющая нужды потребителей. Возникали смешные ситуации: люди производили продукты питания, которые затем перевозились в другие регионы, и производителям приходилось ездить туда, покупать их и привозить их обратно. Такой абсурд возможен только там, где сами работники не имеют никаких прав, а говорит и решает только всемогущее государство. Также происходит раскол трудящихся на иерархические и корпоративные группировки, а их положение на работе лишает их возможности контролировать содержание самого процесса производства. Наконец, законодательно запрещаются все частные и кооперативные инициативы, которые могут угрожать государственному контролю. Большинство трудящихся живут в бедности, у них нет возможности накопить деньги или достать их, они не могут создать свои собственные кооперативы, строить себе жильё или делать что-либо ещё, не дозволяемое государством.

Такой тоталитаризм с его ЧК, которая должна контролировать бунтарей или «мелкобуржуазные» элементы вроде мелких кооперативов, не имеет ничего общего с анархизмом. Вместо этого мы выступаем за менее автоматизированное общество, в котором ресурсы, средства производства и предметы коммунального обихода были бы общими и доступными для всех тех, кто ими пользуется (когда ресурсы являются общими, можно сократить расход сил и средств до минимума, и тогда не придётся тратить всё своё время, чтобы производить вещи, которые потом придётся покупать обратно). Люди могли бы оберегать окружающую среду и Землю, организовать работу, позволяя всем участвовать в принятии решений, легко поставить дело так, чтобы у всех было больше свободного времени для того, чтобы участвовать в общественной жизни и развивать свои способности и интересы. пока экономика контролируется господствующим классом, приоритет будет иметь не удовлетворение потребностей человечества, а материальное накопление. С точки зрения правителей, человек — это лишь часть огромного механизма. Только те, кто не считает себя такой частью, могут жить и вести себя, как люди.

Займём чёткую позицию!

Нам нужны позитивные представления о будущем, которые показали бы, как люди могут взаимодействовать, организовывать производство и управлять обществом. Анархисты всегда предлагали альтернативные образцы общества; чаще всего они основаны на федерации коммун и индивидуумов. Единственной формой представительства в них служат делегаты, отзываемые в любой момент. Чтобы открыть такую возможность в крупном масштабе, необходимо, конечно же, свергнуть существующую систему.

Российское левое движение полно «оппозиционеров», которые протестуют против того или иного зла: глобализации, капитализма, фашизма, милитаризма... Всё это, конечно, нормально, но дело в том, что быть против чего-нибудь недостаточно, чтобы объединить людей для позитивного изменения общества. Если объединиться только под лозунгом протеста, то человек рискует попасть в одну компанию с теми, чью политику он не понимает и не разделяет. Иногда беспринципные активисты и организаторы даже скрывают свою настоящую позицию, чтобы привлечь в свои группы как можно больше людей, чтобы набрать политический капитал и сделать себе рекламу. Но настоящее конструктивное действие редко происходит из таких союзов.

В последнее время в России мы видим чудовищное злоупотребление политическими терминами и идеями со стороны либо идиотов, либо, наоборот, весьма умных личностей, которые понимают, как можно обманывать людей. Наиболее часто встречающийся феномен — амальгама авторитарных и антиавторитарных идей, которые противоречат друг другу, но каким-то образом перерабатываются и соединяются. Наверное, страшнее всего будет, если элементы фашистских представлений внедрятся в общество и угнездятся в политических теориях. Есть немало людей, желающих осуществить синтез левого и правого радикализма. Большинство левых отказывается от такого синтеза, но иногда они и сами, не разбираясь в тонкостях, заимствуют часть новых правых или тоталитарных идей.

Чтобы понять, почему нам нужна ясная позитивная программа и почему надо отказаться от идеи «синтеза», достаточно взглянуть на историю. Подобные попытки соединить правый и левый радикализм уже бывали в прошлом. Самый известный пример — фашизм Муссолини в Италии.

Многие люди считают определяющими критериями фашизма расовую ненависть и тоталитаризм. Но расовая ненависть — не обязательный признак фашизма. Фашистские движения всегда старались сплавить правые и левые идеи. Из этого синтеза должен был получиться некий радикальный «третий путь». Важную роль для фашистов играла «антибуржуазность» — тот же самый настрой, который сегодня привлекает многих в России. Фашисты обещали трудящимся социальные гарантии и обеспеченную жизнь, ставили принцип идеала выше потребления материальных благ. Они выступали и против классового общества. Это сходство в отрицании буржуазного общества и должно было стать основой для привлечения левых в общую с фашистами коалицию. (Лидер современных итальянских неофашистов Пино Раути, бывший организатор террористических нападений на левых, тоже заявляет о своём «антикапитализме» и предлагает недавно коммунистам, социалистам и «зелёным»

создание политического блока.) Но при этом фашисты никогда не отказывались от идеи частной собственности и, самое главное, всегда отвергали гуманизм и совсем иначе, чем левые, относились к свободе. Антибуржуазная политика не может сама по себе стать основой для общего политического языка. Когда люди типа А. Тарасова говорят о возможности сотрудничества с «лимоновцами» потому, что те «антибуржуазны», они становятся попросту апологетами фашизма.

Социально-экономический кризис всегда способствует росту фашизма, особенно падение роста жизни среднего человека. Постсоветская Россия стала полигоном для фашизма прежде всего из-за социально-экономических перемен и реакции на них. Быстрые социальные изменения вызывают у людей ощущение оторванности от общества. Фашисты же обещают возродить утраченную стабильность, восстановить порядок, вернуть человеку его место в обществе. Они используют чувство ностальгии, которое в сегодняшней России может объединить «коммунистическую» левую с фашистами и новыми правыми. Фашисты говорят и о благосостоянии народа — ещё один общий программный пункт с тоталитарными «коммунистами». Анархисты же отвергают теорию сильного государства, которое должно защищать народ. Сильного государства хотят фашисты и тоталитарии-«коммунисты», но не мы. В этом смысле коммуяги и фашики находятся по одну сторону политической баррикады, которая в данном случае разделяет не правых и левых, а авторитаристов и сторонников свободы.

Популизм и идея возрождения нации обладают особыми преимуществами. Их туманность и неопределенность способны привлечь как традиционалистов-консерваторов, так и радикальных «обновленцев». Важную роль играет при этом понятие «нации». Именно оно стоит в центре их идеологии, сколько бы они ни говорили о синтезе левых, правых или каких бы то ни было других идей. Все постсоветские национал-патриотические тенденции тоже выдвигают эту задачу — вернуть народу «былую славу». Идея нации не обязательно носит расовый характер, как у Гитлера. Муссолини, например, утверждал, что нация может включать людей, живущих в разных регионах, принадлежащих к разным народам и говорящих на разных языках. Такая же теория была у НБП (до недавнего раскола).

Фашисты часто говорили о «пролетарском братстве». Например, Муссолини заявлял, что турецкие и арабские пролетарии — его братья. Многие новые правые тоже признают проблемы других стран, но предлагают националистические решения. Фашистский теоретик Юлиус Эвола был даже большим поклонником национально-освободительных движений в «Третьем мире», именно потому, что хотел отдельного существования всех наций. В США есть правые, выступающие против американского экономического империализма и глобализации как вредящих рабочему классу. Анархисты, напротив, не желают признавать идеи нации и национального разделения; они понимают нацию как порождение государства. Идея национальных движений всегда является инструментом новой политической власти.

Важно понять, что фашисты часто заимствуют идеи из левых и правых теорий. Они брали на вооружение левые идеи, которые могли совпадать с их антибуржуазной пропагандой и проповедью материального благополучия. В то же время, они отбрасывают все более радикальные социалистические или анархические идеи. Многие левые были обмануты фашистами, поскольку они сосредотачивались на об-

шей негативной программе и не заняли чёткой антитоталитарной позиции. Одним из таких людей был синдикалист Жорж Сорель, который вначале симпатизировал Муссолини, а затем критиковал его, поскольку тот стал менее радикальным, более прагматичным и предал корпоратизм богачам. Сорель не был расистом и, вероятно, если бы он понял до конца, к чему ведёт фашизм, он бы не имел с ним дела. Но, к сожалению, он утонул в беспринципности политической тактики. Сорель был элитаристом-интеллектуалом и недооценивал умственные способности масс. Его основным вкладом в стратегию Муссолини стала мысль о том, что рабочая масса может воспринять революционное сознание только через мифы. Эта идея находилась в резком противоречии с анархическим, либертарно-социалистическим и эгалитарно-коммунистическим духом взаимного просвещения людей как существ достаточно разумных для того, чтобы рационально решать свои проблемы. Анархисты воспринимают мифологию как инструмент социального контроля со стороны правящих элит. Ко времени первой мировой войны Сорель сделал вывод, что таким мифом, способным мобилизовать людей, может быть национализм; так он помог развивать фашизм.

Многие из левых и новых правых в России тоже пользуются мифами, чтобы привлечь людей. Один из тех, кто открыто хвалит эту стратегию — историк-ревизионист и апологет правых А. Тарасов. Несколько раз он сам сочинял легенды и вообще активно занимался мифотворчеством. Люди типа Д. Костенко, П. Былевского и А. Цветкова тоже широко употребляют этот инструмент. Они легко обманывают тех, кто ничего не знает, и убеждают других, что это всего лишь игра и «оранжевая провокация».

Радикальная «коммунистическая» пресса иногда выглядит как набор таких мифов. Наиболее отвратительное впечатление оставляет «Бумбараш», в котором можно обнаружить мифы о Мао, Сталине, «Седеро люминосо», Пол Поте; при этом как «незначительные детали» опускаются все данные о репрессиях, убийствах, всё описание того, что происходило с бунтарями при таких режимах. Всё это так, мелочи. То же самое относится к немалому числу псевдоанархических автономных журналов, где рекламируется любая первая попавшаяся герилья. Если ещё допустимо предположить, что леворадикальный журнал может писать о Че Геваре или о РАФ, то Ким Ир Сен и «Сендеро люминосо» настолько далеки от анархизма, что статьи о них вызывают уж очень серьёзные вопросы. Меня беспокоит панковский антиинтеллектуализм, потому что легко видеть, как нехватка информации используется элитами для того, чтобы внедрять в голову людей мифы.

Но вернёмся к итальянскому фашизму. Бенито Муссолини был вначале членом Итальянской соцпартии и пытался создать леворадикальный блок. Он стал редактором газеты «Аванти!». Вокруг него шлялись всякие радикальные художники и писатели. Это напоминает мне ситуацию с «Лимонкой». Среди этих писателей были такие знаменитости как Габриэль Д'Аннунцио, Энрико Коррадини (автор тезиса о «пролетарских нациях») и Джованни Папини (в то время самый популярный писатель страны). Все они питали сильную враждебность к буржуазному обществу. Они подарили фашистам молодёжный авангардный стиль, который позволил им выглядеть ново и интересно. Папини был крайним элитаристом и обожал не только мифы, но и сознательно искажение. Он много болтал о международном братстве только потому, что хотел придать движению моральный фасад. Папини намерен-

но пытался обмануть и привлечь социалистов, ощущавших дискомфорт в связи с фашистским национализмом. Коррадини ненавидел буржуазное государство и был оригинальным сторонником «крутизма». Он хотел создать образ героя для толпы (как и нынешние «лимоновцы» или Костенко). Но ещё хуже были Д'Аннунцио и Маринетти. Этот последний, известный художник и футурист, был по популярности на втором месте после Муссолини. Он считал себя ультрарадикалом. Его идея войны как единственного способа оздоровления мира стала очень популярной в революционной контркультуре и авангарде.

Затем Муссолини выдвинул идею «фаши ди комбаттименто» — вооружённых бригад. Их программа соединяла различные элементы — от требований материального благополучия до сексуальной свободы; всё годилось, чтобы привлечь молодёжь, которую он считал авангардом революции. Фашисты хотели, чтобы эти «партизаны» подчинялись строгой дисциплине. Левые лозунги общественного благополучия сплавлялись с правым авторитаризмом. После победы революции удержать её результаты должно было сильное государство.

Д'Аннунцио как культовая фигура был в какой-то степени похож на Лимонова (он тоже воевал в Югославии, но куда успешнее). Он развивал представление о роли символов. В нынешней молодёжной политике эта символика играет важную роль.

Короче говоря, история итальянского фашизма имеет очень много общего с его нынешним русским аналогом. Как и с ранними немецкими фашистами. Они много заимствовали из немецкого романтизма и националистического движения «фёлькише», которое обожествляло природу и всё национальное. Они проповедовали элитарные идеи противоборства силы гения и косности масс. Авангардные художники, считавшие себя силой, борющейся с буржуазным обществом, подкрепляли эту позицию. Декларируемая забота о благосостоянии народа носила чисто патерналистский характер: в глубине души эти авангардисты ненавидели массы, считая их носителями буржуазной культуры.

Наиболее прямые связи существуют между идеологией НБП (до раскола) и взглядами Ю. Эвола — любимого фашиста А. Дугина. Эвола родился в 1898 году, стал молодым художником как раз в период апогея итальянского фашизма. Он стал футуристом и дадаистом. Эвола обожал эзотерику, был язычником и наслаждался духовностью. К «материалистическому декадентству» он испытывал острую ненависть. После второй мировой войны, когда фашизм превратился уже в ругательное слово, он сумел найти общий пункт с левыми и обличал американизацию Европы. Эвола выступал против мультинациональных корпораций, но аргументировал это с точки зрения националистов. То же самое легко обнаружить в российском левом движении.

Как и все авангардисты, Эвола выдвигал идею «политического солдата» — молодёжного авангарда, ведущего борьбу против «капиталистического декадентства». Эту идею любят как правые, так и левые. Но анархисты относятся к ней критически. С одной стороны, стратегия кажется логичной: молодёжь рассержена и хочет изменений. Но у этой стратегии есть и существенные недостатки. Во-первых, возраст не обязательно определяет политическую ориентацию, думать иначе — такая же глупость, как и идея нации. Новое поколение совершенно не обязательно бывает более радикальным, чем старое. Разделять таким образом людей плохо, но, с точки

зрения манипулирующих ими «вождей» — очень удобно. Молодёжь может смотреть на себя как на авангард только потому, что она молода. Но мы, анархисты, не хотим, чтобы люди чувствовали себя авангардом. Мы хотим, чтобы они поняли, что конкретно следует делать. Мы не желаем, чтобы люди были только солдатами в войнах беспринципных «вождей». Мы стремимся, чтобы люди поняли идеи, старались каким-то образом осуществить их и стали катализаторами революции. Мы не намерены играть в символику, мифотворчество и т.д. Мы хотим стимулировать мозги людей. Мы предпочитаем конструктивный социализм дешёвому негативизму. Пусть люди ощущают себя как составную часть своего общества в целом, а не как принадлежащих к категориям «студент», «панк», «рабочий» и т.п.

В левом движении есть множество беспринципных деятелей, которым просто нужна «масса». На самом же деле они не уважают тех людей, которых они вербуют. Часто это трудно понять, поскольку они лизут задницу молодёжи и контркультурщикам. Но несмотря на эту анальную любовь, субкультурная молодёжь для них — лишь пешки в политической игре. Их отношение становится ясным, когда понимаешь, что они сознательно дезинформируют людей, скрывают свою политику в отношении молодёжи, или когда слышишь их утверждения, что молодым нужно только «хлеба и зрелищ».

Честно говоря, в конце концов мы предпочитаем, чтобы люди, которые вообще не могут разобраться в политике, отошли в сторону. Это лучше, чем пытаться синтезировать анархизм и ленинизм. Мы и так тратим слишком много времени, исправляя всяческий бред, который наносят нам псевдоловые и новые правые. Мы считаем, что у нас нагло крадут позитивный образ свободы, чтобы манипулировать людьми. Возьмём известный инцидент на концерте «Русский прорыв» несколько лет назад. На нём выступали Лимонов и Дугин. Первый прокричал: «Слава России!» (националистический лозунг), «Мы самая большая белая нация в Европе» (расистский и империалистский лозунг), «С нами бог!» (религиозный лозунг), «С нами Саша Баркашов» (фашистский лозунг), «С нами Витька Анпилов» («коммунистический лозунг»), наконец, «Анархия — мать порядка!». Панки были в экстазе. Но, конечно, это всё не одно и то же. В середине концерта слово взял Дугин. Он сказал: «есть время разрушать и время строить! Сейчас время разрушать.». Дугин встретил крайне резкую реакцию протеста со стороны панков, которые закричали: «Фашизм — на ...». Эта абсурдная ситуация очень показательна. С одной стороны, Дугин — фашист, и его крик был типичным для фашиста. Но это был не чисто фашистский лозунг. Лимонов тоже фашист. И именно он провозгласил фашистские специфические лозунги. Но ему аплодировали. Наверное, панки воспринимали Лимонова как контркультурную фигуру, а Дугина — как «цивильного» интеллектуала. Можно видеть, что самое успешное оружие новых правых — это эстетика и авангардная мода. На самом же деле Лимонов и Дугин не столь уж и разные, просто они играют разные роли. Именно Дугин является «мозгом», но ему нужны люди вроде Лимонова и Цветкова, чтобы создавать стиль.

После того, как фашисты обманут людей, они будут похлопывать их по спине, подлизываться к ним, говорить им, что они — самые революционные элементы. Тогда приходим мы и говорим им правду. Мы понимаем, что с тактикой фашистов проще

набирать людей, но надеемся, что вечная красота нашей цели победит. Настоящую социальную революцию можно совершить только на этических основах.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Лора Акай
Анархисты и «леваки»: почувствуйте разницу!

Первая публикация: журнал «Наперекор» №8, лето 1998

ru.theanarchistlibrary.org